

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 330.341.1+330.342

В. Н. ТАРАСЕВИЧ,
*профессор, доктор экономических наук,
завкафедрой Национальной металлургической академии Украины
(Днепропетровск)*

О ГОСУДАРСТВЕННО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ *

Рассмотрены государственно-капиталистические предпосылки инновационного развития национальной экономики. Обоснован поступательно-циклический характер эволюции госкапитализма и его ведущая роль в модернизации экономики и реализации стратегических инноваций. Внимание акцентировано на антиинновационности смешанного частнокапиталистического властно-собственнического присвоения в условиях маргинализации госкапитализма. Обозначены некоторые направления и мероприятия по инновационно и социально ориентированной госкапитализации национальной экономики.

Ключевые слова: инновационное развитие, государственный капитализм, сеть присвоения, эллипс присвоения, частнокапиталистическое властно-собственническое присвоение, инновационно ориентированная госкапитализация.

V. N. TARASEVICH,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Head of the Chair of Political Economy, National Metallurgical Academy of Ukraine
(Dnepropetrovsk)*

ABOUT THE STATE-CAPITALISM CONDITIONALITY OF THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF A NATIONAL ECONOMY

The state-capitalist preconditions of innovative development of a national economy are described. The forward-cyclic character of the evolution of a state capitalism and its principal role in the modernization of an economy and the realization of strategic innovations are substantiated. The attention is concentrated on antiinnovation features of the mixed private capitalist power-ownership appropriation under conditions of a marginal state capitalism. Some directions to and measures aimed at the innovatively and socially oriented state capitalization of the national economy are indicated.

Keywords: innovation development, state capitalism, appropriation net, appropriation ellipse, private capitalist power-ownership appropriation, innovatively oriented state capitalization.

Подписание и неизбежная имплементация Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС обостряют проблему *стратегического выбора модели европейского*

Тарасевич Виктор Николаевич (Tarasevich Viktor Nikolaevich) – e-mail – v_tarasevich@list.ru.

* Материал публикуется в порядке дискуссии, начатой академиком НАН Украины В.М. Гейцем статьей "Институциональная обусловленность инновационных процессов в промышленном развитии Украины" // Экономика Украины. — 2014. — № 12. — С. 4–19.

будущего Украины: либо она вплотную приблизится к развитому центру, либо пополнит ряды европейской полупериферии или периферии. Поскольку двадцатилетняя инновационная динамика национальной экономики, в первую очередь обрабатывающей промышленности, не внушает оптимизма, очевидны и бесспорны императивы решительных действий, которые способны переломить негативный тренд и обеспечить ее опережающее инновационное развитие. В этой связи программная фундаментальная статья В.М. Гейца [1] имеет не только политико-экономическое значение, но и общественное, *общенациональное*. Она убеждает в главном: инновационный прорыв не осуществим усилиями лишь политических и экономических субъектов, он должен стать делом каждого гражданина, патриота.

Трудно оспаривать содержащиеся в упомянутой статье тщательно продуманные теоретические положения, обоснованные практические предложения и рекомендации. Поэтому продуктивнее расширить поле дискуссии, вовлечь в нее проблематику *социально-экономических оснований* украинского кризиса и явных инновационных провалов. “Магия собственности обращает песок в золото”, — писал Дж. Уокер. Но та же магия может обращать золото в прах. Все зависит от самого “мага”. Почему в национальной системе присвоения доминирует не проинновационная, а антиинновационная составляющая? Оправданы ли надежды большинства украинцев на государство — эффективного собственника, инноватора, гаранта справедливости и благополучия? Не является ли *госкапитализация* национальной экономики необходимой проинновационной альтернативой прогрессирующей *олигархизации*? Поиску ответов на эти вопросы посвящена данная статья. В ее первой части внимание акцентировано на исторической эволюции и современных реалиях госкапитализма; во второй — представлены теоретико-прикладные положения, необходимые для научного анализа указанных реалий; в третьей — изложены результаты изучения современного состояния национальной системы присвоения, в четвертой — направления и возможные меры по ее госкапиталистической трансформации.

Ретроспектива

Если не покидать предметное и категориальное пространство тех экономических учений, в исследовательскую проблематику которых входит госкапитализм, то следует признать его реальное существование там и постольку, где и поскольку сосуществуют и взаимодействуют капиталистическое товарное производство и государство *. В *каждую капиталистическую эпоху*, будь то первоначальное накопление капитала, свободная конкуренция, монополистический и государственно-монополистический капитализм, современная капиталистическая транснационализация и глобализация, госкапитализм обретает все новые качества, не предавая забвению ранее обретенные.

На известном этапе *первоначального накопления капитала* буржуазия разуверилась в антиинновационном феодальном государстве, которое оказалось неспособным удовлетворить даже ее минимальные требования — ликвидировать монопольные права гильдий и цехов, чрезмерную регламентацию ремесла и торговли. К тому же она не могла мириться с присвоением праздной аристократией огромных богатств новых иностранных владений. Действуя заодно с историей, буржуазия захватила политическую власть и начала активно использовать в своих интересах государственную “машину”, в том числе ее феодальные и абсолютистские “механизмы”. В условиях относительного дефицита частнокапиталистического

* “Государственный капитализм есть налицо — в той или иной форме, в той или иной степени — всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще” [2, с. 222].

накопления государству поручается роль ведущего капиталиста — стратегического инноватора. Государство-капиталист развернуло масштабное строительство крупных заводов, фабрик, инфраструктурных объектов, наладило их работу и многие из них передало (безвозмездно или с выкупом) в частные руки; щедро субсидировало земель, крепостными крестьянами, финансовыми ресурсами мелких и средних буржуа, которых обязало развивать приоритетные отрасли и производства. В законодательном порядке запрещались коалиции, ограничивались права нищих, открывались работные дома, регулировалась величина заработной платы. Таким образом, армия наемного труда формировалась и выполняла волю буржуазных “командиров”. Военная мощь государства использовалась для захвата и практически неприкрытого ограбления колоний.

В первой трети XIX в. в наиболее крупных европейских странах буржуазия занимала прочные позиции — ее совокупные активы стали сопоставимыми с государственными, а объемы капитализируемой прибыли — с объемами госинвестиций. *Свободная конкуренция*, торговля и предпринимательство — мечта первых буржуа — побеждали и доминировали. Но их потомки не только не отказывались от уже привычных услуг государства, модернизируя их сообразно обстоятельствам, но и со знанием дела изобретали новые и хорошо забытые старые, выгодные в первую очередь для себя. В частности, речь идет об акционерном и кредитном законодательстве; приватизации наиболее прибыльных объектов государственности; учреждении (становлении) госбанков с целью льготного кредитования частного предпринимательства; масштабных налоговых льготах; организации государственных монополий на производство и сбыт некоторых потребительских товаров (табака, спирта и др.), призванных пополнять государственную казну, permanently опустошаемую политическими победителями.

Абсолютное господство свободной конкуренции оказалось непродолжительным (не более полувека), а высвобожденный ею инновационный потенциал — недостаточным. Идеал померк перед корыстным интересом. Уже во время мирового экономического кризиса 1870-х годов национальная буржуазия призывала государство к защите своего бизнеса от иностранной конкуренции. Казалось бы, забытый со времен меркантилизма протекционизм вновь становится знаменем экономической политики европейских государств и США. Но для большинства буржуа результаты его последовательной реализации оказались и неожиданными, и неприятными. Относительно ограниченное рыночное пространство стало одним из катализаторов объективных процессов концентрации производства и капитала, порождения конкуренцией олиго- и монополий. Между немногочисленной крупной и массовой мелкой буржуазией разверзлась труднопреодолимая пропасть. Новым условиям противостояния национальных отрядов буржуазии между собой; крупной и мелкой буржуазии; буржуазии и наемных работников, а также известной пробуржуазной ангажированности государства и его слабости как представителя общества в целом вполне отвечали мировые катаклизмы первой половины XX в. и формирование особых национальных моделей *монополистического и государственно-монополистического капитализма* *.

Несмотря на различия, их объединяют базовые госкапиталистические черты. Поэтому отнюдь не случайна однотипность конкретных механизмов, форм и инст-

---

* В этом контексте результатом революционных событий и гражданской войны в России начала XX в. стало утверждение особого тотального госкапитализма советского типа, всеобщей государственной монополии, отягощенной феодальным наследием и дополненной элементами социализации и частнокапиталистического присвоения.

рументов их реализации. Так, обращают на себя внимание существующие поныне разные формы сочетания экономической мощи крупнейшей буржуазии и политической, военной мощи государства: финансово-политическая олигархия *, личная уния бизнесменов и политиков, чиновников, лоббирование, логроллинг и т. п. Как говорится: “Рука руку моет”. Совершенствуется инструментарий господдержки крупного капитала, в первую очередь, государственная контрактная система, госзаказы и госгарантии, целевые госрасходы, в том числе в порядке бюджетно-дефицитного финансирования, призванные обеспечивать устойчивый рынок сбыта для олиго- и монополий и экономию их издержек на весьма дорогостоящие инновации. Утверждается практика налоговых льгот, ускоренной амортизации, различных методов скрытого субсидирования крупного бизнеса. Вся сложнейшая система государственного регулирования экономики, в первую очередь финансового, денежно-кредитного и антициклического, выстраивается и настраивается по камертону интересов крупной буржуазии.

Но последняя уже научена горьким опытом и отнюдь не заинтересована в антагонизации противоречий с мелкой и средней буржуазией, рабочим классом, в экономической и социально-политической нестабильности. Ей нужны квалифицированные ученые, “белые и синие воротнички”, а также достаточно состоятельные потребители продукции ее предприятий. К тому же она не может не реагировать на демонстрационные эффекты социальных реформ в социалистическом “лагере”, усиливающееся внутреннее давление не только низших, но и средних слоев. Государство как и совокупный капиталист, и представитель народа, и центр согласования интересов различных социальных слоев, политических сил и экономических субъектов получает карт-бланш на активные действия. Так возникает и утверждается знаменитое *социальное государство*, “государство благосостояния” с развитой системой социально-экономического прогнозирования, программирования и индикативного планирования, эффективным антимонопольным регулированием и весьма благоприятным для инноваций бизнес-климатом, разветвленной сетью социальных гарантий, государственным финансированием науки, образования, здравоохранения, культуры, устойчивым средним классом, конкурентоспособной и динамичной экономикой, мирным и относительно безболезненным разделом рынков между ТНК, развивающимися в рамках международных интеграционных группировок.

Чтобы справиться со столь масштабными задачами, государство должно было обладать соответствующими ресурсами и относительно независимыми от частных фирм и домашних хозяйств источниками доходов. Поэтому вполне логичными, на наш взгляд, представляются его небезуспешные усилия по значительному увеличению доли ВВП, перераспределяемой через государственный бюджет, удельного веса потребительских расходов в ВВП, часть которых принимает форму инновационных инвестиций в человеческий капитал, а также расширению государственного сектора, в том числе за счет госинвестиций в капиталоемкие объекты, активизации инновационного государственного предпринимательства, образования государственно-частных предприятий.

“Государство благосостояния” вполне отвечало условиям позднего индустриализма, но оказалось весьма уязвимым перед вызовами вызревшего в его лоне постиндустриализма. Объяснение кризиса социального государства причинами

* Финансовый капитал как синергия взаимодействия промышленного и банковского капиталов находит верных слуг среди не только капиталистов-бизнесменов, но и политиков и чиновников.

постиндустриального свойства представляется недостаточным. Немаловажную роль сыграли и очевидные преимущества социализированного госкапитализма стран "золотого миллиарда" по сравнению с госкапитализмом советского типа, который, в конечном итоге, проиграл инновационную "гонку" первому. Реакция крупной буржуазии на нарастание указанных преимуществ была вполне предсказуемой: агрессивная капитализация, снижение темпов социализации и инновационизации экономики и общества. Распад социалистической системы и СССР стал весомым поводом для приостановки социализации. Безусловный приоритет получили иные задачи. Одна шестая часть суши была открыта для экспансии *транснационального капитала*, и в свои права вступила эпоха *капиталистической глобализации*.

Казалось бы, в этих условиях государственное "пространство" должно сжиматься подобно шагреновой коже, а госкапитализм несовместим с "концом истории" (Ф. Фукуяма) и окончательной победой неоконсерватизма и неолиберализма. В самом деле, разве не об "уходе государства" свидетельствует рост количества ТНК, годовые объемы продаж которых превышают ВВП многих стран; передача ключевых государственных полномочий на наднациональный уровень в ЕС (например, исключительные кредитно-денежные права ЕЦБ); широкомасштабная приватизация; дерегулирование рынков, в первую очередь, финансовых; относительное сокращение социальных расходов; ряд других мер, хорошо известных из практики "рейганомии" и "тэтчеризма"; а также поистине "героические" усилия государств новых независимых стран по "высвобождению рыночных сил". О пагубных последствиях тотальной деэтизации экономик этих стран написано уже немало, но тема по-прежнему актуальна. К ее госкапиталистическому аспекту мы еще вернемся. В отношении же экономик развитых государств (США, ФРГ, Японии и др.) и динамично развивающихся стран (Бразилии, Индии, Китая, Мексики, Сингапура и др.) картина представляется не столь однозначной.

Во-первых, даже в весьма успешные годы до новейшего кризиса государство не сдало в архив ни одну из апробированных ранее форм, методов и инструментов влияния на экономику. Варьировали их качественные и количественные характеристики, но набор, состав отнюдь не оскудел. Так, практически не уменьшилась доля ВВП, перераспределяемая через госбюджет; политика ЕЦБ вполне отвечала государственным интересам ФРГ и Франции — лидеров ЕС; субститутами передачи значительной части государственных активов в частные руки стали новые, гибкие формы государственного контроля и управления ("золотая акция", сертификаты участия в инвестициях, внушительное представительство в руководящих органах корпораций, особые права государства-миноритария и др.); по ряду позиций было ужесточено антимонопольное законодательство; сокращение "патерналистской" составляющей социальных расходов сопровождалось ростом их "профилактической" и активистской составляющих.

Во-вторых, меры правых правительств по вытеснению государства из экономики не лишены оснований. Бюрократизм, проволочки, дублирование функций, экономическая безответственность, коррупция — перечень "грехов" даже самого демократического государства может быть продолжен. Но именно "вытесненное" государство оказалось не способным предвидеть и предотвратить катастрофу на рынке деривативов, противостоять чрезмерному ипотечному и потребительскому кредитованию и перегреву экономики, сконцентрировать необходимые ресурсы на ускоренном развитии производств VI технологического уклада, довести их до привлекательного для частного бизнеса уровня прибыльности и таким обра-

зом максимально сократить неизбежную технологическую паузу и переориентировать предпринимательскую активность и ресурсы из финансового в реальный сектор экономики, принять другие упреждающие проинновационные меры. Совершенно очевидно, что “избыток” государства сосуществует с его “дефицитом”. В этом феномене нужно тщательно разбираться, а не постулировать “презумпцию виновности” государства.

В-третьих, в период новейшего кризиса государство было мобилизовано в полном смысле этого слова, и в антикризисных “боях” нашлось место для большинства “вооружений”, накопленных за почти 200-летнюю историю антикризисных “войн”. В этом смысле новейший кризис не стал уникальным. Его подлинная новизна состоит в том, что *государство и госкапитализм понадобились для борьбы с кризисом глобального, транснационального капитализма, вне- и надгосударственного по своим амбициям и потенциалу*. Стало вполне очевидным, что глобальный капитал не витает в межмировых пространствах, подобно богам Эпикура, а в обязательном порядке находится в какой-либо (каких-либо) стране (странах) (даже в режиме on-line), так или иначе взаимодействует с ее (их) экономикой (экономиками) и государством (государствами).

Относительно неожиданными стали решительные и достаточно успешные действия некоторых активно развивающихся стран, прежде всего, Бразилии, Индии и Китая, по противостоянию попыткам развитого центра во главе с США “делегировать” свои “кризисные проблемы” на периферию и посредством международных финансовых механизмов (“пылесосов” и “насосов”) получить столь необходимые в условиях кризиса ресурсы, главным образом, “благотворительные”.

К явному неудовольствию приверженцев ортодоксии весьма влиятельный британский еженедельник “The Economist” без обиняков называет один из своих специальных докладов “State Capitalism” (“Государственный капитализм”) и констатирует *экспансию госкапитализма*, который оперирует изощренным инструментарием и вознамеривается соединить преимущества государства и капитализма [3]. Наступление госкапитализма является весьма впечатляющим и убедительным. В его авангарде – новые государственные предприятия (SOE), предприятия с государственной поддержкой (SSE) – так называемые национальные чемпионы, мощные государственные холдинги, миноритарные пакеты акций под управлением государства (SONC), частично приватизированные предприятия (PPF), государственные банки развития, суверенные фонды благосостояния (SWF), объединяющие фонды сбережений и развития. Мощные госкомпании становятся глобальными лидерами. Так, по данным ЮНКТАД, “родиной” 285 из 653 (почти 44%) крупнейших *государственных* ТНК являются экономически развитые страны, главным образом, европейские – Дания, Франция, Норвегия, Финляндия, Германия, Швеция. В списке 50 крупнейших компаний, публикуемом газетой “Times”, еще в 2004 г. госкомпании отсутствовали, а в 2011 г. их насчитывалось уже 11. По уровню капитализации они заняли ведущие позиции: 2-е место – “Petro China”, 4-е – “Industrial & Commercial Bank of China”, 5-е – “Petrobras” (Бразилия), 7-е – “China Construction Bank”. Мексиканская “Семех” стала 3-й в мире цементной компанией. В списке 20 ведущих глобальных компаний, по версии журнала “Forbes”, в 2008 г. не было ни одной государственной, а в 2012 г. их стало 6 [4, с. 12–13, 1–2; 5].

Указанный прорыв был бы невозможен, если бы государство не “фабриковало фабрикантов” (К. Маркс) в массовом порядке в границах национальной экономики. Так, на госпредприятиях (с мажоритарным и миноритарным участием

государства) экономически развитых стран производится значительная и достаточно стабильная доля ВВП: в Австрии — 27%, Великобритании, Голландии — 36, Дании — 37, Испании — 38, Италии — 24, Франции — 33, ФРГ — 54%. Китайское государство является крупнейшим акционером около 150 ведущих национальных корпораций и по-прежнему руководит тысячами предприятий; в Сингапуре государство — собственник пакетов акций компаний, совокупный объем продаж которых составляет около 60% ВВП страны; 80% капитализации фондового рынка Китая, 60% — России, 40% — Бразилии принадлежат корпорациям с мажоритарным или миноритарным участием государства [4, с. 1, 2, 4, 5; 5, с. 6].

Наряду с использованием опыта укрепления экономического суверенитета стран, освободившихся из-под колониальной зависимости в первой половине прошлого века *, правительства активно развивающихся стран успешно осваивают новые для себя формы госкапитализма: регулирование слияний и поглощений с целью “выращивания” национальных чемпионов, финансовое влияние на политику корпораций с миноритарным государственным участием посредством государственных банков (фондов) развития, использование инструментов “нового государственного управления”. Так, в соответствии с последним, для новых госпредприятий характерны: котировка акций на фондовых биржах с целью рыночного контроля качества менеджмента, набор персонала из ведущих частных компаний, ограничения на прямое и косвенное государственное субсидирование, независимость членов совета директоров, международный аудит и др. [4, с. 18, 33; 5, с. 5–10].

Исторические факты свидетельствуют, что в условиях кризиса и депрессии государственная активность относительно возрастает, а в условиях подъема — падает. Но не менее убедительна и эмпирическая правильность постепенного роста кумулятивного эффекта этатизации экономики в длительном историческом периоде. Таким образом, не лишен исторических оснований вывод о *поступательно-циклическом характере эволюции госкапитализма*.

С ее современной повышательной фазой явно диссонирует экономическая ситуация в России и, особенно, в Украине. После ощутимого падения ВВП и промышленного производства в кризисном 2009 г. в самом начале 2010 г. правительство РФ инициировало “новую приватизацию”, направленную, в частности, на существенное расширение перечня секторов (отраслей) экономики, предприятия которых переходят в собственность ряда крупнейших бюджетобразующих компаний, привлечение внебюджетных инвестиций в развитие приватизируемых предприятий [5, с. 15]. “Уход” государства осуществляется по апробированной схеме: государственные органы управления преобразуются в агентства, агентства — в государственные унитарные предприятия, затем последние акционируются, следующий шаг — приватизация принадлежащих государству пакетов акций, а также дополнительная эмиссия акций с целью “вытеснения” государства. Его небольшая доля сохраняется, главным образом, с целью реализации возможностей бюджетного финансирования и страхования предпринимательских рисков бюджетными средствами. Юридический статус госучреждений и организаций перманентно трансформируется в направлении снижения уровня реализации функций государства как собственника. При этом по-прежнему отсутствует законодательство, которое бы регулировало управление госсобственностью, в том числе паке-

---

* В частности, речь идет о решительной поддержке национального и ограничении экспансии иностранного капиталов, формировании мощного госсектора с целью мобилизации внутренних ресурсов и преодоления колониально-сырьевой структуры экономики, усилении общенациональной составляющей государственного экономического регулирования.

тами акций государства в акционерных обществах [6, с. 31, 32, 44–45]. Очевидно, указанные обстоятельства сыграли свою роль в замедлении темпов экономического роста в 2014 г.

Масштабы государственного антикризисного активизма в Украине уступают российским. Докризисный уровень ВВП и промышленного производства не достигнут, в первую очередь, по причине слабости и неэффективности государства. Глубина и масштабы украинской приватизации превышают российские. Приватизированы практически все эффективные предприятия и значительная часть стратегических объектов. Если в России борьба сил “национализации” и “приватизации” государства идет с переменным успехом, то в Украине государство преимущественно “приватизировано” в том смысле, что его решения и действия в значительной степени отвечают интересам крупной олигархической буржуазии, к сожалению, не владеющей талантами видения стратегических перспектив Украины и осуществления крупных инновационных проектов *общенациональной* значимости *. Как справедливо отмечает В.М. Геец, именно олигархизация стала основным фактором нынешнего кризиса [1, с. 6].

Таким образом, исторический опыт говорит о том, что оптимальная госкапитализация экономики является необходимым условием стратегических инноваций, обеспечивающих прогрессивную смену технологических укладов. В то же время абсолютизация экономического этатизма и (или) монополизации экономики и политики чревата застоєм и деградацией. Но поиск проинновационной социально-экономической многоукладности, равно как и роли госкапитализма, не может ограничиваться изложением экономической истории и эмпирии. Необходимы соответствующие *теоретические* изыскания.

К теории госкапитализма. О сети и эллипсе присвоения

Нельзя пренебрегать критическим анализом имеющихся в литературе трактовок государственного капитализма (далее – ГК). Например, утверждение о прямом подчинении государством тех или иных капиталистических предприятий как качественном признаке ГК [7, с. 84] требует, в первую очередь, конкретизации. О каком государстве идет речь? Что означает концепт “прямое подчинение”? В чем это подчинение выражается? Очевидно, указанный концепт нуждается в “переводе” на язык фундаментальной экономической науки. В трактовке ГК как соединении “капиталистических монополий и аппарата буржуазного государства для извлечения высоких прибылей, сохранения власти и гнета монополий” [8, с. 345] ГК неправомерно отождествляется с одним из его исторических типов – государственно-монополистическим капитализмом (ГМК). ГК действительно предполагает “участие государства в капиталистических формах хозяйства” [9, с. 96]. Но, *во-первых*, здесь акцентирован лишь *организационно-экономический* аспект ГК. Между тем, капиталистические формы хозяйства могут весьма успешно служить реализации отнюдь не капиталистического *социально-экономического* содержания. *Во-вторых*, о каком именно участии государства идет речь? Скажем, если государство наполняет капиталистические формы хозяйства некапиталистическим содержанием, правомерно ли отнесение такого участия по классу ГК? Риторический вопрос. На наш взгляд, вышеизложенное свидетельствует, прежде всего, о целесообразности различения, хотя бы в первом приближении, *узкого* и *широкого* смыслов ГК.

* Было бы некорректно отрицать наличие точечных инноваций на микроуровне национальной экономики. Однако их лавинная доля далека от соответствия императивам стратегически значимого VI технологического уклада.

Узкий смысл предполагает акцент на “чистом” капитализме, абстрагирование от всех некапиталистических отношений, анализ не только экономики, но и государства, общества, всех атрибутов присвоения в качестве исключительно капиталистических. При таких предпосылках “чистый” госкапитализм предстает сложной саморазвивающейся системой капиталистических отношений абсолютно доминирующего капиталистического государства и капиталистических акторов (субакторов) *, ядром которой является подсистема капиталистических отношений государственного присвоения. Очевидно, субстанцией последней выступает сплав, синергетическое единство капиталистического вида и государственной формы присвоения. В категориях социально-экономических укладов речь идет об абсолютном господстве в экономике государственно-капиталистического уклада.

Глубокое понимание ГК в широком смысле вряд ли возможно вне многопланового общественного и универсального контекста. Ограничимся социально-экономическими аспектами. Несколько упрощая, можно назвать любой капитализм государственным в том смысле, что его акторы представлены и в государстве (ветвях государственной власти, госучреждениях и др.), и в других социально-экономических укладах — патриархальном, мелкотоварном, властно-собственническом, частнокапиталистическом, коллективном и посткапиталистическом (социалистическом). Однако вряд ли приведенные трактовки могут считаться достаточными. Дело не только в том, что ряд понятий требует дополнительных пояснений (например, актор и субактор), — необходимо обратиться к “анатомии” присвоения.

Современное присвоение представляет систему сетевого типа и демонстрирует полиатрибутивность — полиакторность, полиобъектность, полиформизм и полиэлементность. Бытующее в литературе мнение о субъектности присвоения не учитывает принципиальное обстоятельство — граница между субъектом и объектом присвоения становится все более условной и неуловимой, поэтому на авансцене присвоения доминирует актор. Соответственно вполне отвечающими реалиям представляются полиакторность, а также различение простых и сложных акторов присвоения. Простой актор — это индивидуум, группа, коллектив, который является актором какого-либо одного типа, вида, формы присвоения, как правило, одного объекта. Сложный актор — это индивидуум, группа, коллектив, концентрирующие в себе более одной социальной роли (функции, статуса) и выступающие акторами различных форм присвоения разных объектов (разных частей одного объекта) одновременно.

Полиобъектность присвоения предполагает не просто наличие многих объектов присвоения. Во-первых, один актор может присваивать несколько разных объектов. Во-вторых, один объект может присваиваться несколькими акторами. В этом случае он предстает в разных ипостасях: либо “копируется”, что характерно, например, для институтов, либо в нем выделяются отдельные составляющие (например, разные участки земли). В-третьих, разные объекты могут быть фигурантами какой-либо одной формы присвоения (например, коллективно-инди-

---

* Как известно, в фундаментальной экономической науке принято четкое разграничение экономического субъекта и объекта. Не ставя под сомнение его значимость, следует признать, что оно не учитывает принципиально важный пласт современных реалий — воздействие экономического субъекта на самого себя, в частности, присвоение им своих сущностных сил. Это означает, что действующий в экономике современный человек объединяет в себе сущностные качества субъекта и объекта, следовательно, является экономическим актором.

Тот или иной актор, как правило, агрегирован (например, собственник). Поскольку в науке принято оперировать не только агрегатами, но и их составляющими, наряду с актором в поле исследовательского внимания неизбежно попадают и субакторы (например, частный собственник, коллективный собственник и т. п.).

видуумное присвоение земли и протоинститутов в родовой общине). *В-четвертых*, один объект может быть фигурантом различных форм присвоения. В этом случае в нем выделяются разные составляющие.

Полиформизм охватывает не только традиционные *отсубъектные* типы, виды и формы присвоения (в категориях данной работы – *отакторные*), то есть выделяемые в зависимости от качественных характеристик субъекта (*актора*), но также отобъектные и смешанные – отакторно-отобъектные *. В дальнейшем мы ограничимся рассмотрением отакторного присвоения.

Полиэлементность присвоения предполагает различение распоряжения (Р) **, владения (В), пользования (П), получения дохода (Д), управления (У), иммунитета от экспроприации (ИЭ), запрета вредного использования (ЗВИ) и других элементов, политико-правовыми формами которых являются известные из неоинституциональной теории права собственности.

Взаимосвязи акторов, объектов, форм и элементов присвоения *** образуют своеобразную *сеть присвоения*, содержанием которой является многообразие его *вариантов*. На рисунке 1 показаны лишь некоторые из них. Так, простой актер *i* является актором *k*-го элемента *j*-й формы присвоения объекта *L* (этот вариант присвоения обозначен жирной линией). Сложный актер 3 является актором 1-го, 2-го и 3-го элементов 1-й, 2-й и 3-й форм присвоения 1-го, 2-го и 3-го объектов (тонкая линия). Объект *y* – фигурант 2-го, 3-го и *X*-го элементов 3-й, *j*-й и *m*-й форм присвоения актерами 1, 2 и 3 (пунктир).

Таким образом, современное присвоение имеет признаки сложной самоорганизующейся системы сетевого типа. Трудно сомневаться в том, что каждый элемент последней, в свою очередь, является сложной подсистемой.

Приведенные *общие* положения нуждаются в соответствующей *конкретизации* в теме статьи. С учетом признанной предопределенности того или иного социально-экономического уклада адекватным типом, видом, формой присвоения обозначим их состав. Основные *типы* присвоения (общественный, индивидуальный и смешанный) включают вполне определенные *виды* присвоения. В составе *общественного* типа важно выделить групповой, коллективный, клановый, корпоративный и общенародный виды; в составе *индивидуального* – индивидуумный, личный, персональный и частный; в составе *смешанного* – властно-собственнический, коллективно-личный, коллективно-частный и др. Весьма значимы в современной экономике трудовой и нетрудовой подвиды частного вида присвоения. Первый образует основу мелкотоварного уклада, последний – частнокапиталистического.

В отличие от видов, *формы* присвоения (государственная, муниципальная, кооперативная, акционерная и др.) более подвижны и менее “привязаны” к соот-

* Критериями выделения отобъектных типов, видов и форм присвоения являются качественные характеристики объекта. Так, достаточно определены опредмеченный (материальный) и очеловеченный (нематериальный) отобъектные типы присвоения. В современной фундаментальной экономической науке наиболее изучаемым отобъектным видом присвоения является интеллектуальный в его различных формах, причем в ряде его акторов представлено и государство. Наименее разработанными являются критерии разграничения отакторно-отобъектных типов, видов и форм присвоения. Как правило, в этом качестве используется способ соединения работника со средствами производства.

** Здесь и далее в скобках представлена аббревиатура основных понятий, которая будет использована на рисунке 2.

*** Для удобства изложения в дальнейшем будем использовать концепт-агрегат “атрибуты присвоения”, в состав которого включаются акторы, объекты, связи акторов, связи объектов, связи акторов и объектов, типы, виды, формы и элементы присвоения.

ветствующим видам. Например, акционерная форма может презентовать коллективный, нетрудовой, коллективно-частный и другие виды (подвиды) присвоения. Государственная форма может служить выражению и реализации разных типов, видов, форм присвоения и их сочетаний*. Так, государственная форма капиталистического вида присвоения (ГФКв) предполагает госкапиталистическое присвоение объектов. Наряду с этим в дальнейшем изложении понадобятся “контекст и текст” властно-собственнического (ВС), личного (Л), частнотрудового (трудо-го) (ЧТ), частнокапиталистического (ЧКап), коллективного (Кол) и общенародного (общенационального) (Общн) присвоения.

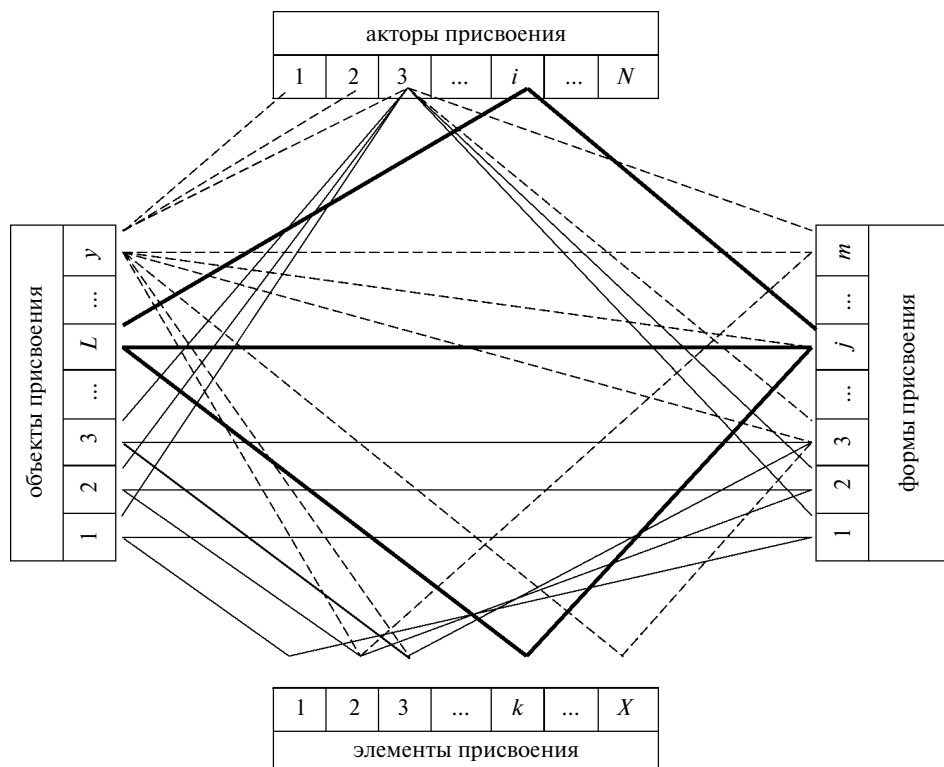

Рис. 1. Схема сети присвоения

Государство — актер, который не является неким неделимым монолитом. Это агрегированный актер, включающий несколько взаимосвязанных групп субакторов. Основные из них — социально-экономическая и функциональная. В социально-экономическом отношении государство выступает одновременно: 1) совокупным капиталистом (СвКап) — объединением, средоточием представителей

* Так, исследования показывают [10], что исторически впервые государственная собственность возникла как форма власти-собственности, а конкретнее — форма лично-персонально-корпоративно-кланового присвоения. Эта форма соответствует конфедеративному устройству раннего государства на этапе централизации древних цивилизаций. На этом же этапе условиям федерализации государственного устройства отвечает персонально-лично-корпоративно-клановый вид присвоения. На этапе высшей централизации, в условиях деспотии утверждается персонально-корпоративно-кланово-личное присвоение. На этапе децентрализации древнего сунобра федерализация государственного устройства связана с утверждением персонально-лично-частно-корпоративно-кланового вида присвоения, а последующая конфедерализация — с победой персонально-лично-частно-кланово-корпоративного вида присвоения. Как видим, в эпоху первых цивилизаций государственная форма присвоения играла роль формы выражения и реализации разных сменяющих друг друга видов присвоения.

капиталистов-предпринимателей; 2) относительно самостоятельным капиталистом-предпринимателем (СмКап) – государством-капиталистом; 3) совокупным наемным работником (СвНР) – объединением, средоточием представителей наемных работников; 4) относительно самостоятельным наемным работником (СмНР) – государством – наемным работником общества и (или) капиталиста (капиталистов); 5) совокупным мелким буржуа (СвМБ) – объединением представителей мелкой буржуазии; 6) совокупным коллективным собственником (СвКол) – объединением представителей коллективных собственников; 7) совокупным регионально-территориальным собственником (СвРТ) – представителем регионально-территориальных общностей; 8) представителем всего общества (ПОб).

С известной степенью условности в составе *функциональной* группы могут быть выделены следующие субакторы: *законодатели* (З) – законодательная ветвь государственной власти, ее отдельные составляющие и представители; *исполнители* (И) – исполнительная ветвь, ее отдельные составляющие и представители; *судьи* (С) – судебная система, ее отдельные подсистемы и представители; *чиновники* (Ч) – сотрудники органов государственной власти и местного самоуправления; *силовики* (Сил) – армия, милиция, прокуратура и др., их отдельные подразделения и представители; *бюджетники* (Б) – отдельные работники и группы работников организаций и учреждений бюджетной сферы.

Наиболее значимыми *негосударственными акторами* являются капиталисты (Кап), наемные работники (НРк), мелкие буржуа (МБ), коллективы – собственники предприятий (Кол), регионально-территориальные общности (РТ), общество в целом (Об), кланы (Кл) и корпорации (Крп) *.

Государственные и негосударственные акторы могут быть как экономическими, так и неэкономическими. Нас интересуют, прежде всего, *экономические* акторы. Их состав науке хорошо известен. В укрупненном виде он может быть представлен *нано-* (отдельный индивидуум), *микро-* (фирма, домашнее хозяйство), *мезо-* (отрасль, межотраслевой комплекс, регион), *макро-* (национальная экономика, ее отдельные сферы, государство) и *мегаакторами* (ТНК, межгосударственные и надгосударственные образования).

Не менее многочисленными являются и *объекты* присвоения. Их дифференциация или дезагрегирование может осуществляться по разным *критериям*. Наиболее значимыми считаются два: материально-вещественное содержание объекта и его роль в процессе деятельности. В соответствии с первым критерием обычно выделяют два класса (материальные и нематериальные), а в соответствии со вторым – пять классов (условия, процессы, средства, предметы и результаты деятельности) объектов. Нас интересует присвоение конкретных, смешанных ** объектов: 1) государственной власти и управления (ГВУ), необходимых государству для выполнения его исключительных функций; 2) регуляторных (Ргл), используемых государством для реализации задач экономической политики и рыночного регулирования; 3) предпринимательской деятельности

* Здесь и далее речь идет о властно-собственнических кланах (ВС-кланы) и властно-собственнических корпорациях (ВС-корпорации). Специфика властно-собственнического кланового и корпоративного присвоения не может не отражать различий клана и корпорации. Сущностным качеством клана является кровное родство его членов, а корпорации – сословное и (или) профессиональное единство. В силу этого порядок и объем властно-собственнического персонального присвоения объектов определяются кровно-родственным статусом персоны в первом случае и сословно-властно-профессиональным – во втором.

** Таких, которые могут обладать рядом свойств разных классов объектов.

(ПрДт); 4) хозяйственной (но не предпринимательской) деятельности; 5) рабочей силы предпринимателей и наемных работников (РС); 6) знаний и информации (ЗИ).

Конкретизированные атрибуты присвоения позволяют перейти от абстрактной схемы сети присвоения (см. рис. 1) к ее прикладной форме — *эллипсу присвоения*, при котором можно моделировать основные связи между атрибутами (субатрибутами), что дает новый повод для размышлений об "анатомии" присвоения.

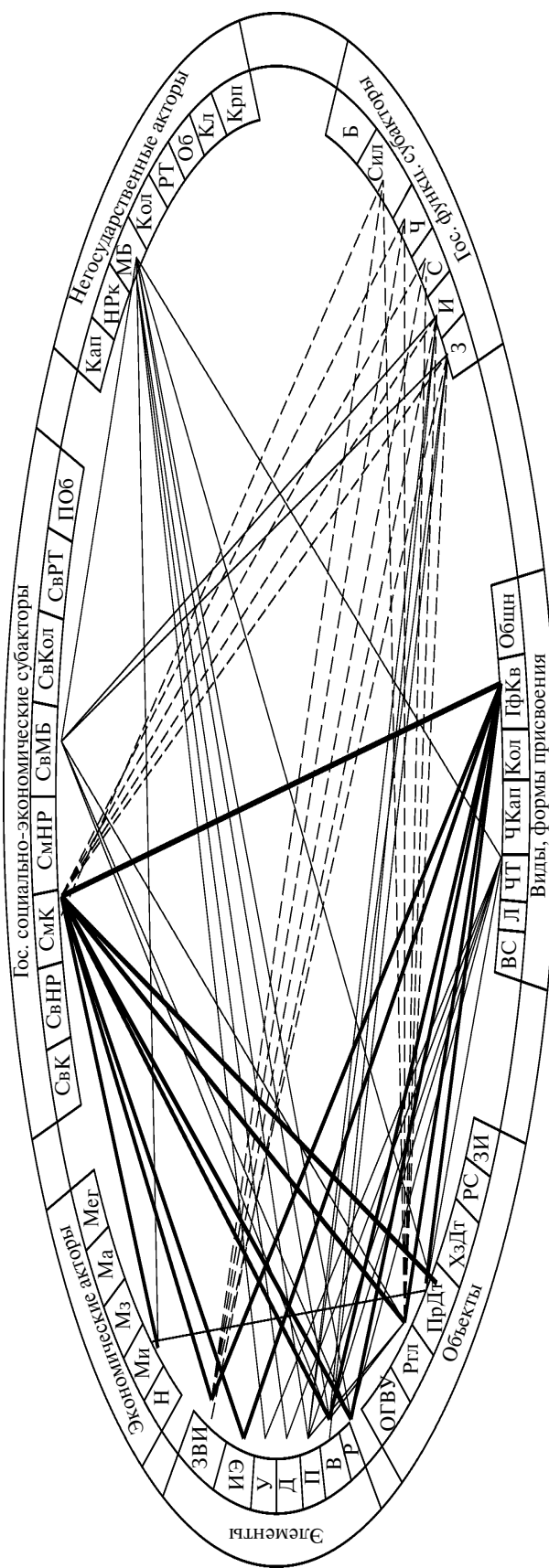
На рисунке 2 представлен фрагмент одной из теоретических моделей *госкапитализма в широком смысле, то есть многоукладной экономики с доминированием госкапиталистического уклада*. Разными линиями обозначены наиболее характерные группы связей основных атрибутов присвоения. *Первая* группа связей маркирована линиями самого эллипса. *Внешняя* линия маркирует связи агрегированных атрибутов присвоения (например, государственные социально-экономические субакторы — негосударственные акторы; негосударственные акторы — государственные функциональные субакторы; государственные социально-экономические субакторы — экономические акторы — элементы присвоения); *средняя* линия — связи субатрибутов, то есть дезагрегированных атрибутов (например, совокупные капиталисты (СвК) — мегаэкономические акторы; объекты предпринимательской деятельности (ПрДт) — частнокапиталистическое (ЧКап) присвоение; *внутренние* линии — связи субатрибутов данного атрибута между собой (например, связи государственных социально-экономических субакторов между собой; связи негосударственных акторов между собой)*. Связи первой группы в значительной мере потенциальны и опосредованны, а их актуализация предполагает вполне определенные условия.

Связи *второй* группы (тонкие линии на рисунке 2) более актуализированы и конкретизированы. Речь идет о том, что вполне определенные акторы (субакторы) являются акторами определенных элементов определенных видов (форм) присвоения вполне конкретных объектов. Так, мелкая буржуазия (МБ), представленная в государстве субактором "совокупный мелкий буржуа" (СвМБ), как правило, является микроэкономическим актором большинства элементов (распоряжение, владение, пользование, право на доход, управление) частнотрудового присвоения объектов предпринимательской деятельности. Государственный социально-экономический субактор "совокупный мелкий буржуа" может быть актором отдельных элементов (субэлементов), например, владения и пользования, регуляторных объектов (Ргл), и влиять на делегирование указанных элементов некоторым государственным функциональным субакторам (например, законодателям и исполнителям). В пространстве эллипса присвоения могут быть обозначены и другие подобные связи, модерируемые другими государственными субакторами, негосударственными и экономическими акторами, но такое обозначение сделает рисунок нечитабельным.

Третья группа связей (жирные линии на рис. 2) иллюстрирует экспансию госкапиталистического присвоения на другие виды (формы) присвоения, в данном случае — на частнотрудовое. Как видим, государственный социально-экономический субактор "самостоятельный капиталист" (СмК) как макроэкономический актор через регуляторные объекты распространяет свое влияние на присваивае-

---

* Любой агрегированный атрибут может рассматриваться как результат взаимодействия его субатрибутов. Если атрибут является сложной или сверхсложной системой, то неизбежна синергия указанного взаимодействия. Следовательно, атрибут представляет собой нечто большее, чем сумма его субатрибутов. На рисунке 2 этот эффект синергии не отражен.

Рис. 2. Фрагмент модели многоукладной экономики с доминированием госкапиталистического уклада

Условные обозначения: *государственные социально-экономические субакторы*: СвК – совокупный капиталист, СвНР – совокупный наемный работник, СМК – самостоятельный капиталист, СмНР – самостоятельный наемный работник, СвМБ – совокупный мелкий буржуа, СвКол – совокупный коллективный собственник, СвРТ – совокупный регионально-территориальный собственник, ПЮБ – представитель общества; *негосударственные акторы*: Кап – индивидуальные капиталисты, НРк – наемные работники, МБ – мелкие буржуа, Кол – коллективы, РТ – регионально-территориальные общины (сообщества), Об – общество в целом, Кл – кланы, Крп – корпорации; *государственные функциональные субакторы*: З – законодатели, И – исполнители, С – судьи, Ч – чиновники, Сил – силовики, Б – бюджетники; *формы присвоения*: ВС – властно-собственническая, Л – личная, ЧТ – частнотрудовая, ЧКап – частнокапиталистическая, Кол – коллективная, ГрКв – государственная форма капиталистического вида, Общн – общенародная (общенациональная);

объекты: ОГВУ – объекты государственной власти и управления, Ргл – регуляторные, ПрДт – предпринимательской деятельности, ХзДт – хозяйственной деятельности, РС – рабочая сила, ЗИ – знания и информация;

элементы: Р – распоряжение, В – владение, П – пользование, Д – присвоение дохода от объекта, У – управление, ИЭ – иммунитет от экспроприации, ЗВИ – запрет на вредное использование;

экономические акторы: Н – nano, М – микро, Мз – мезо, Ма – макро, Мег – мега.

мые мелкой буржуазией объекты предпринимательской деятельности (в частности, закрепляет за собой некоторые субэлементы распоряжения и владения последними, часть дохода от их функционирования, обеспечивая при этом иммунитет от их экспроприации и запрет на их вредное использование). Подобным образом в пространстве эллипса присвоения могут быть обозначены связи, отражающие экспансию других государственных субакторов, а также негосударственных акторов присвоения.

Связи *четвертой* группы (пунктир на рис. 2) маркируют делегирование государственными социально-экономическими субакторами, негосударственными и экономическими акторами государственным функциональным субакторам некоторых элементов разных видов (форм) присвоения разных объектов.

В рассматриваемом примере государственный социально-экономический субактор "самостоятельный капиталист" закрепляет за законодателями, исполнителями, судьями, чиновниками и силовиками определенные субэлементы распоряжения, владения, права на доход, элементы "иммунитет от экспроприации" и "запрет на вредное использование" частнотрудового присвоения объектов предпринимательской деятельности *, а также наделяет указанных функциональных субакторов владением и использованием регуляторных объектов.

Как видим, на рисунке 2 представлен лишь один фрагмент модели многоукладной экономики с доминирующим госкапитализмом. Отражение не обозначенных связей между многими акторами и субакторами, видами, формами и объектами присвоения предполагает построение дополнительных фрагментов. Впрочем, уже изложенное дает представление о том теоретико-прикладном инструментарии, который используется в последующем анализе состояния и необходимой трансформации национальной сети присвоения.

Список использованной литературы

1. *Гец В.М.* Институциональная обусловленность инновационных процессов в промышленном развитии Украины // *Экономика Украины*. — 2014. — № 12. — С. 4–19.
2. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. — Т. 43. — 562 с.
3. State Capitalism. Special report // *The Economist*. — 2012. — January 21.
4. *Кондратьев В.Б.* Государственный капитализм на марше [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.perspektivy>.
5. *Радыгин А., Симачев Ю., Энтов Р.* Государство и разгосударствление: риски и ограничения "новой приватизационной политики" // *Вопросы экономики*. — 2011. — № 9. — С. 4–26.
6. *Дмитриева О.Г.* Особенности управления государственной собственностью в Российской Федерации // *Российский экономический журнал*. — 2013. — № 2. — С. 30–46.
7. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. — Т. 45. — 730 с.
8. *Экономическая энциклопедия. Политическая экономия*. — В 4-х т. — Т. 1 ; [гл. ред. А.М. Румянцев]. — М. : Советская Энциклопедия, 1972. — 560 с.
9. *Политическая экономия : словарь ; [под ред. О.И. Ожерельева и др.]* — М. : Политиздат, 1990. — 607 с.
10. *Тарасевич В.Н.* Экономико-теоретическое знание: универсальные императивы, гипотезы, опыты. — М. : ТЕИС, 2013. — С. 239–296.

* Для более легкого восприятия на рисунке 2 показаны только связи, отражающие закрепление элемента "запрет на вредное использование".

References

1. Heyets V.M. *Institutsional'naya obuslovlennost' innovatsionnykh protsesov v promyshlennom razvitii Ukrainy* [Institutional conditionality of innovative processes in Ukraine's industrial development]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2014, No. 12, pp. 4–19 [in Russian].
2. Lenin V.I. *Polnoe Sobranie Sochinenii* [Complete Collection of Works]. Vol. 43 [in Russian].
3. State Capitalism. Special report. *The Economist*, January 21, 2012.
4. Kondrat'ev V.B. *Gosudarstvennyi kapitalizm na marshe* [State capitalism in the movement], available at: <http://www.perspektivy> [in Russian].
5. Radygin A., Simachev Yu., Entov R. *Gosudarstvo i razgosudarstvenenie: riski i ogranicheniya "novoi privatizatsionnoi politiki"* [State and denationalization: risks and limitations of the "new privatization policy"]. *Voprosy Ekonomiki – Questions of Economy*, 2011, No. 9, pp. 4–26 [in Russian].
6. Dmitrieva O.G. *Osobennosti upravleniya gosudarstvennoi sobstvennost'yu v Rossiiskoi Federatsii* [Peculiarities of the management of state's property in the Russian Federation]. *Ross. Ekon. Zh. – Russ. Econ. J.*, 2013, No. 2, pp. 30–46 [in Russian].
7. Lenin V.I. *Polnoe Sobranie Sochinenii* [Complete Collection of Works]. Vol. 45 [in Russian].
8. *Ekonomicheskaya Entsiklopediya. Politicheskaya Ekonomiya, v 4 t. T.1, gl. red. A.M. Romyantsev* [Economic Encyclopedia. Political Economy, in 4 vol.], edited by A.M. Romyantsev. Moscow, Sov. Entsikl., 1972, Vol. 1 [in Russian].
9. *Politicheskaya Ekonomiya, pod red. O.I. Ozherel'eva i dr.* [Political Economy], edited by O.I. Ozherel'ev et al. Moscow, Politizdat, 1990 [in Russian].
10. Tarasevich V.N. *Ekonomiko-Teoreticheskoe Znanie: Universumnye Imperativy, Gipotezy, Opyty* [Economic-Theoretic Knowledge: Universum Imperatives, Hypotheses, and Experiments]. Moscow, TEIS, 2013, pp. 239–296 [in Russian].

*Статья поступила в редакцию 12 января 2015 г.
Окончание статьи – в следующем номере журнала.*